

**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ
ЗООФОРНЫЕ ИМЕНА: МОТИВАЦИОННО-НОМИНАТИВНЫЕ
ПРИЗНАКИ**

Аннотация. В статье рассматриваются карачаево-балкарские зоофорные имена, составляющие в этническом ономастическом пространстве подсистему, важную для понимания специфики мировосприятия карачаевцев и балкарцев, указывается на то, что в основе выбора определенного имени лежат различные факторы, в том числе семантическая нагруженность апеллятива, отмечается, что в зооантропонимах как в особого рода языковых реалиях отражаются история, традиции и обычаи народа.

Ключевые слова: *карачаево-балкарский язык, зоофорные имена, антропоним, апеллятив, мотивационно-номинативный признак.*

Tekuev M.M.

Kabardino-Balkarian State University

Nalchik

**KARACHAY-BALKAR
ZOOPHORE NAMES: MOTIVATION-NOMINATIVE FEATERES**

Abstract. The article discusses the Karachay-Balkar zoophore names, forming the subsystem important for understanding the Karachai and the Balkar mentality in the ethnic onomastic space; it is noted that various factors, including the sematic value of the appellative and its connection with mythology serve as the reason for choosing a particular name and that zootroponyms are special linguistic realia, reflecting history, customs and traditions of the people.

Keywords: *The Karachay-Balkar language, zoophore names, anthroponym, appellative, a.motivation-nominative feature.*

Человек, пользуясь языком, ежедневно, ежечасно сталкивается с личными именами. Превращение имени или прозвища в наследственное обозначение определенного рода было обусловлено исторической необходимостью усиления дифференцирующей роли антропонима [13, с.4]. Таким образом, основной функцией антропонимов является разграничение одного человека от другого. Характерной особенностью имени является то, что оно не имеет обобщающего значения, то есть не выражает понятий [СКБЯ, с.133].

К личным именам относятся имена как реально существующих или существовавших людей (например, Энеев Тимур Магомедович), городов (Нальчик), рек (Черек), так и имена мифических героев Ёрюзбек, Фук, Сатанай, Сосрук и др. [21]. Система личных имен любого языка, уходящая корнями в глубокую историю, несет на себе отпечаток национального самосознания народа и включается в этническую картину мира, «являясь чрезвычайно важным источником не только лингвистических, но и историко-культурных знаний» [КЛИ, с. 3], поэтому выбор имени человека – весьма ответственное дело, хотя и кажется простым действием. Существует мнение, что имя определяет судьбу человека, с которым трудно согласиться, так как в мире много людей с одинаковыми именами и очень разными характерами и судьбами. Тем не менее тюркские народы, в том числе карачаевцы и балкарцы, считали и считают, что, выбирая имя ребенку, они выбирают судьбу, которая будет частью души человека. В древности существовало поверье, что имя служит своего рода талисманом, охранной грамотой от бога, что оно, так же, как и человек, имеет душу. Поэтому многие имена подпадали под табу (запрет) [КЛИ, с. 8].

Любое имятворчество предполагает побуждение к номинации. Поэтому мотивация, лежащая в основе имени, – это комплекс причинно-следственных процессов, побуждающих человека к действию, по-разному представленных у имен разных типов и в разной степени доступных для наблюдения и изучения [19, с.146].

Нам представляется, что все имена собственные (далее – ИС) обладают словообразовательными и стилистическими особенностями, которые отличают их от имен нарицательных (далее – ИН). Есть у имен собственных (ИС) и межъязыковая особенность, заключающаяся в непереводимости с одного языка на другой [20, с. 33], поэтому имена собственные (ИС) всегда могут быть противопоставлены именам нарицательным (ИН) ввиду того, что между ними существуют определенные отношения для взаимоперехода. В связи с этим Р.З. Мурясов отмечает: «Взаимопроницаемость этих двух стратумов слов обусловлена рядом причин. Наиболее существенными представляются две из них: во-первых, собственные имена генетически, как правило, восходят к именам нарицательным; во-вторых, ИС в семантическом отношении не образуют компактного и гомогенного лексического класса. Внутри ИС представлены разряды, обладающие разной степенью «назывательности» [17, с. 62]. Идеальной моделью ИС лингвисты считают личные имена (антропонимы). Взаимопроницаемость ИС и ИН проявляется, в частности, в апеллятивации, то есть в переходе ИС в разряд ИН, а также в деапеллятивации, то есть в переходе ИН в ИС.

В данной статье мы рассматриваем мотивационно-номинативные признаки зоофорных имен, процесс их вовлечения в антропонимикон карачаево-балкарского языка.

Следует отметить, что многие зоофорные антропонимы восходят к тотемным именам. Обычно тотемное имя давали роду, а род представлял собой, как известно, коллектив кровных родственников, ведущих происхождение от общего предка [КРЭ, с. 23]. Известно, что в древние времена каждый род имел тотемное животное, которому он поклонялся. Это явление носит универсальный характер, в связи с чем А.В. Суперанская отмечает: «В основе родовых имен различных народов Сибири, Средней Азии, Америки лежат названия животных, с которыми члены рода считали себя генетически связанными, например, боханский аймак бурят выводил свою родословную от

легендарного полубыка – получеловека Буха-ноён-бабая. Шарапутский род бурят (шарапут – название соловой масти лошадей) – от солового жеребца, который якобы был отцом первого человека этого рода» [20, с. 59]. Следует отметить, что данное явление имело распространение во всем мире. Например, у ирокезов Сенека роды носят такие названия: Волк, Медведь, Черепаха, Бобр, Олень, Бекас, Цапля, Ястреб [16, с. 109].

У алтайцев отмечаются названия родов, восходящие как к номинациям птиц, так и к номинациям животных: Кара «ворона», АС «горноста́й», Куу «лебедь», Ары «пчела», Кузен «хорек»; у якутов: Сасыл «лисица», Эсе «медведь». По представлениям первобытных людей, перечисленные животные – родовые божества, или тотемы, которые покровительствовали людям данного рода.

Таким образом, в антропологической системе того или иного народа воплощается характер культуры этноса, отражается его национальное самосознание, мировоззрение и этико-эстетические нормы той или иной эпохи.

У карачаевцев и балкарцев право дать имя новорожденному, в первую очередь, предоставляется гостю, если он есть, или старшему в доме, обычно деду или отцу. Если старших нет, могут выбрать имя путем голосования на палочках. Для этого изготавливают несколько палочек по количеству участвующих, одна из них имеет укороченный размер. Тот, кто вытянет ее, получает право дать имя ребенку. Бывает так, что на торжество, посвященное рождению ребенка, не смог приехать близкий друг семьи, в этом случае могут дать его имя. Сейчас многие в поисках имени обращаются к специальным источникам, в том числе и к ресурсам интернета.

Следует отметить, что карачаево-балкарский антропонимикон исследован недостаточно: в нескольких работах рассмотрены лексический состав, структурные типы, модели, стилистические характеристики, функции личных имен [9; 21], например, в диссертационном исследовании Х.Ч. Джуртубаева проблема мотивации именованья ребенка не получила должного освещения,

семантические типы личных имен и их этимология изучены недостаточно. Особо следует отметить разряд зоофорных онимов. Чтобы не быть голословным, приведу список зоофорных имен, анализируемых в диссертации Х.Ч. Джуртубаева, и список антропонимов, извлеченных нами из различных источников.

Список Х.Ч. Джуртубаева (9; с. 91-92).	Дополнительный список М.М. Текуева
<ol style="list-style-type: none"> 1) Агъаз «ласка», 2) Айыу (Аю) «медведь», 3) Ахкёбек «белая собака», 4) Бёдене «перепел», 5) Бугъа «бык», 6) Жубуран «суслик», 7) Киштик «кошка», 8) Къозу «ягненок», 9) Къадыр «мул», 10) Къаплан «тигр», 11) Къарабузоу «черный теленок», 12) Къоян «заяц», 13) Къундуз «бобр», 14) Кючюк «щенок», 15) Парий «волкодав», 16) Сюлесин «рысь», 17) Тана «теленка», 18) Теке «козел», 19) Токълу «ягненок», 20) Тюлкю «лиса», 21) Улакъ «козленок», 22) Хубол «медвежонок», 23) Чычхан «мышь», 24) Эхчи «коза» 	<ol style="list-style-type: none"> 1) Арслан (Аслан) «лев», 2) Акъкъуш «белый орел», 3) Балакъуш «орленок», 4) Бёрюка «волчонок», 5) Бёрюкай «волчище», 6) Боташ «верблюжонок», 7) Гажай (Гажи) «сука», 8) Гогуш (Кокуш) «индюк», 9) Гурт «наседка», 10) Гылыу «ослик, мышь», 11) Жылкы «табун», 12) Къочхар «баран», 13) Къушбий «господин орлов», 14) Теуа (тюе) «верблюду», 15) Уку «сова», 16) Чыпчыкъ «воробей», 17) Мусук (мышык) «кот, кошка», 18) Къаз (бек) «гусь», 19) Жюжек «цыплята, цыпленок», 20) Сонка «селезень».

Рассмотрим мотивационно-номинативные признаки антропонимов, представленных во второй группе.

Арслан (Аслан) «Лев». Мужское имя. Тюрк. Арслан «Лев» [КЛИ, с. 77]. Имя дается мальчику с пожеланием, чтобы он был сильным и бесстрашным, как лев. В отношении этого имени Д. и Н. Зима пишут следующее: «Если в юношеский период Лев (Арслан) сумеет набраться уверенности в себе, то его характер действительно будет соответствовать его имени, совмещая в себе уравновешенность, добродушие, честолюбие и энергичность. Если же нет, то все это омрачится такими чертами, как раздражительность и подозрительность, делающие его характер несносным. Может быть, окружающим это и не будет заметно, но вот семья от этих негативных качеств может основательно пострадать» [10, с. 222]. Карачаевцы и балкарцы, конечно же, предполагали, что нареченный будет уравновешенным и решительным, бесстрашным и сильным. В частности, о нарте Ёрюзмеке говорится, что он «имеет львиную душу» [8, с.54].

Акъкьуш «белый орел». Акъ «белый» + кьуш «орел». Такое имя дают мальчику, чтобы он был бесстрашным, смелым и зорким, как орел. Орел в фольклоре карачаевцев и балкарцев предстает как друг человека. По этому поводу М.Ч. Джуртубаев пишет следующее: «Очень популярен в карачаево-балкарском фольклоре сюжет о схождении героя в нижний мир и его вызволении орлицей в благодарность за спасение орлят от страшного дракона. По пути в средний мир (мир людей) герой кормит орлицу мясом быков или буйволов и поит ее их кровью, а когда те заканчиваются, – своей плотью и своей кровью. Орлица догадывается об этом и уже на земле выплевывает их и залечивает раны богатыря. Отметим, что еще и в нижнем мире орлица, узнав о том, что дракона убил этот человек, несколько раз проглатывает и исторгает героя, и он каждый раз становится краше и сильнее, чем до того был» [8, с. 48]. Орел также связан с образами верховного бога Тейри (Тенгри).

Балакьюш «дитя орла», «орленок». Имя женское, состоит из двух частей: бала «дитя» + кьюш «орел» = балакьюш «дитя орла» – орленок. Данное сочетание отличается от сочетания кьюшбала «орленок» тем, что в первом случае имеем предикативное сочетание, во втором – определительное сочетание. Видимо, имя дается из-за сходства девочки с детенышем орлицы.

Бёрюка «волчонок». Слово это производное, образовано от лексемы бёрю «волк» + аффикс – ка – со значением «ласкательности» [22, с. 56], имеющим пейоративную коннотацию.

Бёрю «волк» «является самым распространенным тотемным животным тюрко-монгольских народов, в том числе и карачаевцев, балкарцев. Голова волка украшала знамена гуннов, тюркютов, половцев, золотоордынских ханов [КЛИ, с. 11]. Древние монголы, как отмечает Л. Гумилев, своими прародителями считали Борто-Чино (Ашина) (Серого Волка) и Алан-Гоа (Пятнистую Лань) [7, с. 90]. Пережитки культа волка и сейчас фиксируются у карачаевцев, балкарцев, кумыков, башкир, татар и других тюркских народов. По этому поводу М.Ч. Джуртубаев пишет: «Существовал обряд лечения больного ребенка протаскиванием под пастью или шкурой волка, после чего к колыбели подвешивали кусочек шкуры и косточку из волчьей пасти, просверленный волчий альчик» [8, с. 35]. Это же подтверждает И.М. Шаманов: «Из волчьей шерсти заплетали косички и вместе с просверленной овечьей косточкой (бабкой) и когтями волка привязывали к перекладине колыбели», «ветряную волчанку» лечили водой, в которую бросали волчью кость» [23, с. 85].

Бёрюкай «волк». Образуется от слова бёрю «волк» + аффикс уничижительно-ласкательности – кай = бёрюкай. То, что – ка и – кай – разные аффиксы, говорит и то, что с их помощью образованы разные фамилии – Бёрюкалары и Бёрюкайлары.

О бытовании у карачаевцев и балкарцев культа волка сохранилось много данных. К.Ч. Азаматов утверждает, что человеку, подозреваемому в воровстве, давали в руки зажженную волчью жилу или заставляли перепрыгивать через

нее, полагая, что если подозрения основательны, то у вора начнутся корчи или что он распухнет и умрет [2, с. 91]. Если же подозреваемый отрицал факт воровства, а проверить не представлялось возможным, обычно говорили: «Кольлунга бёрю сингир берге эдим» – «Дать бы тебе в руки волчью жилу». Это говорит о том, насколько велика была вера в магическую силу волка [5, с.116]. В народных поверьях, по мысли В.М. Батчаева, эти действия описывались как попытки отпугнуть враждебные человеку силы, так как в народных поверьях волк выступает как злейший враг «нечистой силы», «уничтожающий чертей» [4]. В.М. Батчаев имеет в виду эпизод из Нартского эпоса, повествующий о встрече богатыря Ёрюзмека с чертями, принявшими человеческий облик. Черти пригласили нарта Ёрюзмека станцевать с их девушками, сняв свою волчью шубу. В Нартском эпосе читаем: «... Волки и сейчас приносят большую пользу. Если бы не они, бесы заполнили бы всю землю. Глаза волка не мигают, поэтому он единственный из живых существ видит чертей. Заметив рожающую чертовку, волк хватает бесенка, уносит его и съедает. Если в пустынном месте издалека доносится женский или детский плач, – это значит волк ест чертенка. Поэтому черти боятся волков, и в доме, где висят волчья шуба или шкура, они не появляются. Чтобы уберечься от их козней и порчи, к люлькам детей подвешивали кусочки волчьей шкуры, зуб или череп волка». По рассказам стариков, волк, вначале был дружен с человеком, но потом они раздружились. Тогда бог зверей Апсаты попросил у верховного бога Тейри разрешения взять волка пастухом своих стад. Тейри согласился, но волк, поддавшись хитрым уговорам лисы, перерезал часть стада Апсаты, и рассерженный бог прогнал его. По представлениям карачаевцев и балкарцев, встреча в пути с волком или собакой – добрый знак, а с зайцем – предвестие неудачи.

Приведем еще один рассказ. Он повествует о таком качестве волка, как хитрость. «Волк ночью нападал на овец и убитую овцу сбрасывал с обрыва, затем убегал вниз, поэтому пастухи не находили овцу. Так продолжалось некоторое время. И они решили проследить за волком. Сброшенную овцу,

оказывается, волк уносил в другое место, в место, где жили волчата. Волк это проделывал, чтобы скрыть место нахождения волчат».

Очевидно, поэтому это качество волка и послужило мотивацией появления имени Бёрюкай, а затем и фамилии Бёрюкаевы.

Боташ «верблюжонок». Имя состоит из двух частей: бота (казах.), бото (кирг.), бута (тат.) «верблюжонок» + аффикс уменьшительности, ласкательности – ш = боташ. Имя, возможно, получило свое название из-за красоты верблюжонка и благозвучности имени. Оно уникально тем, что слово бота имеет значение ласкательности, а аффикс – ш- усиливает степень проявления уменьшительности. Видимо, это связано с тем, что в карачаево-балкарском языке слово *бота* ‘верблюжонок’ не зафиксировано, поэтому носители карачаево-балкарского языка не воспринимают его как уменьшительно-ласкательное. От имени Боташ образована фамилия Боташевы.

Гогуш (кокуш) «индюк, индейка». Имя женское. В карачаево-балкарском языке слово *гогуш* перешло в антропоним из-за красоты птицы.

Гурт «стадо, отара; выводок, птенцы». Апеллятив *гурт* в карачаево-балкарском языке имеет три значения: 1. Стадо, отара; например, *гуртну тамадасы* «гуртоправ, гуртовщик». 2. Выводок, птенцы: *гурт жюжжеле* «выводок цыплят»: *гурт чыгъарыргъа* «высидеть (вывести) цыплят». 3. *Гурт тауукъ* «квочка».

Мы придерживаемся мнения, что фамильное имя Гуртуевы произошло от первого значения – гуртоправ, гуртовщик. К этому склоняет нас скотоводческая хозяйственная деятельность карачаевцев, балкарцев.

Гылыу «ослик, чычхан». Апеллятив *гылыу* имеет два значения: 1. Ослик. 2. *Гылыу чычхан* «крыса».

Мотивацией, очевидно, послужила красота ослика. Однако не исключено и то, что имя может восходить к *гылыу чычхан* «крыса». М. Кашгарский (X в.) приводит такой рассказ: «Тюрки называли двенадцать (следующих один за другим) лет животного цикла названиями двенадцати животных. Они

высчитывают год рождения, время битв и пр. по этому циклу. Это (летоисчисление) возникло так: одному из правителей понадобилось узнать время битвы, происшедшей за несколько лет до него. Но при исчислении года, в котором происходила битва, была допущена ошибка, тогда люди (правителя) посоветовались между собой и сказали: «Мы ошиблись при определении этой даты, так же и другие будут ошибаться впредь. Давайте дадим названия двенадцати годам, число которых равно числу месяцев и созвездий на небе, чтобы вести календарь по этому циклу и оставить вечную память». Вот что они ему сказали. А тот (правитель) вышел на охоту и приказал загнать диких животных в реку Или. Это большая река. Они загнали животных в воду. Двенадцать из них переправились через нее. Названием каждого из них был назван один из годов. Первой из них вышла *zıŋan* (чычхан) «мышь». Она переправилась первой, поэтому ее название стоит во главе цикла. Годы следуют в таком порядке: *zıŋan jılı* «год мыши», *pol jılı* «год крупного рогатого скота» (*öküz* «бык»), *varɔ jılı* «год барса», *tavıŋan jılı* «год зайца», *näk jılı* «год крокодила», *jılan jılı* «год змеи», *jund jılı* «год лошади», *qoj jılı* «год овцы», *biçin jılı* «год крокодила», *taqaŋu jılı* «год курицы», *ıt jılı* «год собаки», *taŋuz jılı*.

Следует отметить, что тюрки усматривают в каждом году какой-нибудь признак и предзнаменование. Они говорят, что если *nB jılı*, т.е. «год коровы», то бывает много войн, поскольку коровы бодаются. В году курицы наблюдается обилие пищи, но бывает беспорядок среди людей, так как пищей курицы является зерно, и она вечно обшаривает отбросы (Год змеи и год крокодила – дождливый и урожайный, так как живут они в воде. Год кабана бывает холодным, снежным и смутным и т.д.) [11, с. 291-293].

В карачаево-балкарском языке этот двенадцатилетний животный цикл полностью сохранился, кроме названия второго года – вместо *барс жыл* используется *къаплан жыл*, хотя это одно и то же. Одни тюрки тигра называют барсом и соответственно год – *барс жыл*, а другие, в том числе карачаевцы и

балкарцы, тигра называют къаплан и соответственно тот же год носит название *къаплан жыл* «год тигра» [КБРС, с. 389]. Вместо года крокодила в карачаево-балкарском языке бытует *чабакъ жыл* «год рыбы», вместо года курицы – употребляется *къуш жыл* «год орла».

Жылкы «табун лошадей». Имя мужское. Аpellятив перешел в разряд антропонимов, видимо, с пожеланием, чтобы у человека было много лошадей. От этого имени образованы фамилии Жылкыийлары – Жилкиевы и Жылкыбайлары – Жилкибаевы. Первый фамильный оним состоит из двух частей: жылкы «табун лошадей» + ий «отпусти» = жылкыий. Очевидно, связан с обращением к богу, чтобы он отпустил много лошадей, дал много лошадей. Второй оним состоит также из двух элементов: жылкы «табун» + бай «богатый» = Жылкыбай «богатый лошадьми».

Къочхар «баран-производитель». Имя мужское. От этого аpellятива образуется фамилия Къочхарлары – Кочкаровы. Имя дают мальчику, чтобы он был бесстрашным, сильным и решительным, как къочхар «баран», и полезным, поскольку къочхар дает мясо, шерсть, служит продолжателем рода.

Тюе (теуа) «верблюд». Имя мужское. От этого аpellятива образована фамилия Теуалары – Теуаевы. Что интересно, во всех тюркских языках аpellятив верблюд употребляется в разных фонетических вариантах (ср.: карачаево-балкарское тюе «верблюд», древнетюркское *teva*, турецкое *deve*, татарское *дея*). В.И. Абаев же считает, что в карачаево-балкарской фамилии Теуалары употребляется осетинская форма *teua* [1, с. 456].

На наш взгляд, на выбор имени повлияло то, что верблюд является гордым, сильным, выносливым животным, видимо, поэтому карачаевцы и балкарцы.

Уку «сова». Имя мужское. От этого слова фамилия не образуется. Переход аpellятива Уку в антропоним, видимо, связано с пожеланием ребенку, чтобы он был, как уку «сова», умным, мудрым, искусным, знающим. Старики рассказывают, будто сова знает язык зверей и птиц.

Форма апеллятива уку встречается только в карачаево-балкарском языке. Даже в близкородственном кумыкском языке эта птица имеет такие названия: кикимав, ябалак. В ГРС дается тоже форма ябалак, в ДТС – *јваqulaq*, что значит *јва* «заккрыть» + *qulaq* «ухо» = *јваqulaq* «заккрытые уши», намекая на глухоту. Зато сова даже ночью хорошо видит. В карачаево-балкарском языке слово уку образовалось из звукоподражания. Оно, как отмечает В.И. Абаев, в осетинском языке бытует в форме *иq* [1, с. 277].

Чыпчыкь «воробей». Имя мужское. Из апеллятива чыпчыкь «воробей» (общее название птицы) образована фамилия Чыпчыкьлары – Чипчиковы. В карачаево-балкарском языке с этой лексемой связан ряд названий птиц: ала чыпчыкь «щегол», джандет/ жаннет чыпчыкь «иволга», мырды чыпчыкь «дупель», сабан чыпчыкь «скворец», сары чыпчыкь «синица», суу чыпчыкь «козодой», тѣппели чыпчыкь «жаворонок» (балк.), шорбат/ чорбат чыпчыкь «воробей». В словаре кумыкского языка дается общее название воробья – жымчыкь, къарапай жымчыкь.

В большинстве тюркских языков воробей обозначается апеллятивом чыпчыкь/ жымчыкь, в основе которого тоже лежит звукоподражание. «чип – чип» + аффикс – чыкь (уменьшительно-ласкательный) = чыпчыкь «воробушек». Мотивация антропонима, как нам представляется, связана с подвижным, беспокойным характером ребенка.

Гартай «шустрый жеребенок». Имя мужское. Апеллятив состоит из двух частей гар/ гара «шустрый, черный» + тай «жеребенок». Этимологию слова можно объяснить двояко: гара «шустрый», гара «нарзан/ нарзанный». Кроме того, лексему можно интерпретировать как къара/ гара «черный». Однако, полагаем, что для именованя ребенка более релевантен признак «подвижный, шустрый», положенный в основу антропонима гар «шустрый, быстрый» + тай «жеребенок» = гартай [КБРС, с. 183]. Но нельзя исключать и вторую мотивацию гара/ къара «черный» + тай «жеребенок», то есть мотивация имени могла быть основана и на цвете кожи ребенка.

Сонка «селезень». Имя женское. В основе антропонима лежит апеллятив сона «селезень» + уменьшительно-ласкательный аффикс – ка. По этому поводу М.А. Хабичев указывает: «В карачаево-балкарском языке аффикс – къя, – ка, – ке, – къя, – кы, – ки чаще всего присоединяется к односложным основам, реже – к двухсложным, трехсложным. Присоединяясь к именам, данный аффикс образует имена, называвшие части тела, живые существа, явления природы, растения, предметы, имена людей, отвлеченные понятия, качества» [22, с. 56].

Антропоним Сонка, видимо, мотивируется красотой, подвижностью, живостью, грацией селезня. Сона, как утверждает Н.Э. Гаджихмедов, в тюркских языках обозначает селезня (КЛИ, с. 159). Ср. Бёрюка, Ариука, Татлука, Кызыка и др.

Мусук (мысыкъ) «кошка». В карачаево-балкарском языке из апеллятива мусук (мысыкъ) образована фамилия Мусуклары – Мусуковы. Однако в современном языке апеллятив мусук/ мысык в значении «кошка» не употребляется, актуально другое слово киштик (Киштиклары – Киштиковы). Даже в близкородственном кумыкском языке это слово звучит как «мишик, в турецком языке кошка обозначается словом *kedî* [ТРС, с. 347], в древнетюркском языке – *miškič* (ДТС, с. 345), в киргизском языке – мышык [КРС, с. 49]. В.В. Радлов дает такую форму: *möier/ māri* [РСЛ, с. 2134]. Ближе всего к фамильному имени стоят слова кумыкского (мишик) и киргизского (мышык) языков. Ребенку, видимо, давали имя, чтобы он был ловким, зорким.

Кушбий «князь, господин орлов». Слово состоит из двух частей: къуш «орел» + бий «князь, господин» = Къушбий «князь, господин орлов». По карачаево-балкарской мифологии къуш «орел» считается самой сильной птицей, способной нести на спине человека в нижний и верхние миры [15, с. 69]. Подчеркивая значение орла в мифологии карачаевцев и балкарцев, уместно вспомнить высказывание З.А. Кучуковой: «...среди птиц первостепенное место, бесспорно, занимает орел. Ему, властелину воздуха, символу величия,

отваги, победы, вдохновения и духовного подъема, древний горец мысленно уподобляет себя в мечтах». [14, с. 45].

Таким образом, къуш «орел» имеет переносные значения «князь», «царь», «господин птиц». В других тюркских языках *къуш* выступает как общее название птиц (см. древнетюркский словарь – *quř* «птица», киргизский словарь – куш (общее название птиц) [КРС, с. 456], татарский словарь – кош «птица» (ТРС, с. 503), в близкородственном кумыкском языке – къуш «птица». Для номинации орла в тюркских языках используют также сложное слово къаракъош «черная птица».

Имяречение къушбий, на наш взгляд, отражает желание карачаевцев и балкарцев, чтобы ребенок был сильным, зорким и благородным, как орел.

Жюжек/ джюджек «цыпленок». Имя женское. Не во всех тюркских языках цыпленок обозначается апеллятивом жюжек/ джюджек, как в карачаево-балкарском языке. Например, в турецком существует апеллятив *riñ* или *ciñciñ* [РТС, с. 988]. Только в близкородственном кумыкском языке обнаруживаем номинацию жижек (жижеклены гюзде санар «Цыпляют по осени считают»). Имя жюжек/ джюджек карачаевцы и балкарцы, видимо, давали девочке слабенькой, маленькой и красивенькой, а возможно, чтобы скрыть настоящее имя от злых духов.

Таким образом, зоофорные антропонимы карачаево-балкарского языка занимают важное место в его ономастической подсистеме, с одной стороны, как лингвистические, а с другой – как социально-культурные знаки. Выбор каждого имени обусловлен определенным фактором – социальным, культурным, психологическим, то есть носит прагматический характер.

Библиография

1. Абаев В.И. Осетинский язык и фольклор. – М. – Л., 1949.
2. Азаматов К.Г. Пережитки язычества в верованиях балкарцев. // Из истории феодальной Кабарды и Балкарии. – Нальчик, 1980.
3. Байрамуков У.З. Кладезь народной памяти. – Черкесск, 1993.
4. Батчаев В.М. Из истории материальной культуры балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1986.
5. Биджиев Х.Х. Погребальные памятники Карачая XIV – XVIII вв. // Вопросы средневековой истории народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1979.

6. Бушмакин С.К. Воршудные имена – микроэтнонимы удмуртов // Этнонимы. – М., 1970.
7. Гумилев Л.Н. От Руси до России. – М., 2015.
8. Джуртубаев М.Ч. Древние верования балкарцев и карачаевцев. – Нальчик, 1991.
9. Джуртубаев Х.Ч. Лексический состав и семантические типы карачаево-балкарских антропонимов. – Нальчик, 2004.
10. Зима Д. и Н. Тайна имени. Диагностика кармы имени. – М., 1997.
11. Кашгарский М. Свод тюркских слов. Ч. 1. – М., 2010.
12. Кляшторный С.Г. Памятники древнетюркской письменности и этнокультурная история центральной Азии. – С.-Пб., 2006.
13. Коков Дж. Н. Избранные труды. – Нальчик, 2000.
14. Кучукова З.А. Нартский эпос: вертикаль как метокод бытия // Культурная жизнь юга России. – Краснодар, 2005. №4 (14).
15. Малкондуев Х.Х. Карачаево-балкарский нартский эпос. Теория. История. Самобытность. – Нальчик, 2017.
16. Морган Л.Г. Древнее общество или исследование линий человеческого прогресса от дикости через варварство и цивилизации. – Л., 1935.
17. Мурысов Р.З. Антропонимы в словообразовательной системе языка // Вопросы языкознания, 1982, №3.
18. Нарты. – М., 1994.
19. Системы личных имен народов мира. – М., 1989.
20. Суперанская А.В. Групповые обозначения людей в лексической системе языка. // Имя нарицательное и собственное. – М., 1978.
21. Текуев М.М. Стилистическая характеристика антропонимов, используемых в поэмах К. Кулиева // Материалы научно-практической конференции. – Нальчик, 2014.
22. Хабичев М.А. Карачаево-Балкарское именное словообразование. – Черкесск, 1971.
23. Шаманов И.М. Обряды и поверья карачаевцев, связанных с рождением ребенка (XIX – нач. XX вв.). // Проблемы этнической истории народов Карачаево-Черкесии. – Черкесск, 1980.

Словари

- АРС – Азербайджанско-русский словарь. – Баку, 1965.
 ДТС – Древнетюркский словарь. – М., 1969.
 КБРС – Карачаево-балкарско-русский словарь. – М., 1989.
 КЛИ – Гаджихмедов Н.Э., Гусейнов Г.-Р. А.-К. Кумыкские личные имена: происхождение и значение. Введение в кумыкскую антропониимику. Словарь. – Махачкала, 2004.
 КРС – Киргизско-русский словарь. – М., 1965.
 КРЭ – Краткая Российская Энциклопедия в 3 т. – М., 2004.
 РКБС – Русско-карачаево-балкарский словарь. – М., 1965.
 РКС – Русско-кумыкский словарь. – Махачкала, 1997.
 РСЛ – Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий. В 4- томах . – СПб.: Типография Имперской Академии Наук, 1911.
 РТС – Русско-татарский словарь. – М., 1985.
 РТС – Русско-турецкий словарь. – М., 1972.
 СКБЯ – Современный карачаево-балкарский язык. – Нальчик, 2016.
 ТРС – Татарско-русский словарь. – М., 1966.
 ТСКБЯ – Толковый словарь карачаево-балкарского языка в 3 т. – Нальчик, 1999, 2002.

References

1. Abaev V.I. Osetinskij jazyk i fol'klor. – M. – L., 1949.
2. Azamatov K.G. Perezhitki jazychestva v verovanijah balkarcev. // Iz istorii feodal'noj Kabardy i Balkarii. – Nal'chik, 1980.
3. Bajramukov U.Z. Kladez' narodnoj pamjati. – Cherkessk, 1993.
4. Batchaev V.M. Iz istorii material'noj kul'tury balkarcev i karachaevcev. – Nal'chik, 1986.
5. Bidzhiev H.H. Pogrebal'nye pamjatniki Karachaja XIV – XVIII vv. // Voprosy srednevekovoj istorii narodov Karachaevo-Cherkesii. – Cherkessk, 1979.
6. Bushmakina S.K. Vorshudnye imena – mikrojetnonimy udmurtov // Jetnonimy. – M., 1970.
7. Gumilev L.N. Ot Rusi do Rossii. – M., 2015.
8. Dzhurtubaev M.Ch. Drevnie verovanija balkarcev i karachaevcev. – Nal'chik, 1991.
9. Dzhurtubaev H.Ch. Leksicheskij sostav i semanticheskie tipy karachaevo-balkarskih antroponimov. – Nal'chik, 2004.
10. Zima D. i N. Tajna imeni. Diagnostika karmy imeni. – M., 1997.
11. Kashgarskij M. Svod tjurkskih slov. Ch. 1. – M., 2010.
12. Kljashtornyj S.G. Pamjatniki drevnetjurkskoj pis'mennosti i jetnokul'turnaja istorija central'noj Azii. – S.- Pb., 2006.
13. Kokov Dzh.N. Izbrannye trudy. – Nal'chik, 2000.
14. Kuchukova Z.A. Nartskij jepos: vertikal' kak metokod bytija // Kul'turnaja zhizn' juga Rossii. – Krasnodar, 2005. №4 (14).
15. Malkonduev H.H. Karachaevo-balkarskij nartskij jepos. Teorija. Istorija. Samobytnost'. – Nal'chik, 2017.
16. Morgan L.G. Drevnee obshhestvo ili issledovanie linij chelovecheskogo progressa ot dikosti cherez varvarstvo i civilizacii. – L., 1935.
17. Murjasov R.Z. Antroponimy v slovoobrazovatel'noj sisteme jazyka//Voprosy jazykoznanija, 1982, №3.
18. Narty. – M., 1994.
19. Sistemy lichnyh imen narodov mira. – M., 1989.
20. Superanskaja A.V. Gruppyvye oboznachenija ljudej v leksicheskoi sisteme jazyka. // Imja naricatel'noe i sobstvennoe. – M., 1978.
21. Tekuev M.M. Stilisticheskaja harakteristika antroponimov, ispol'zuemyh v pojemah K. Kulieva // Materialy nauchno-prakticheskoi konferencii. – Nal'chik, 2014.
22. Habichev M.A. Karachaevo-Balkarskoe imennoe slovoobrazovanie. – Cherkessk, 1971.
23. Shamanov I.M. Obrjady i pover'ja karachaevcev, svjazannyh s rozhdeniem rebenka (XIX – nach. XX vv.). // Problemy jetnicheskoi istorii narodov Karachaevo-Cherkesii. – Cherkessk, 1980.

Dictionaries

- ARS – Azerbajdzhansko-russkij slovar'. – Baku, 1965.
- DTS – Drevnetyurkskij slovar'. – M., 1969.
- KBRS – Karachaevo-balkaro-russkij slovar'. – M., 1989.
- KLI – Gadzhiahmedov N.EH., Gusejnov G.-R. A.-K. Kumykskie lichnye imena: proiskhozhdenie i znachenie. Vvedenie v kumykskuyu antroponimiku. Slovar'. – Mahachkala, 2004.
- KRS – Kirgizsko-russkij slovar'. – M., 1965.
- KREH – Kratkaya Rossijskaya EHnciklopediya v 3 t. – M., 2004.
- RKBS – Russko-karachaevo-balkarskij slovar'. – M., 1965.
- RKS – Russko-kumykskij slovar'. – Mahachkala, 1997.
- RSL – Radlov V.V. Opyt slovaryja tyurkskih narechij. V 4- tomah . – SPb.: Tipografiya Imperskoj Akademii Nauk, 1911.

RTS – Russko-tatarskij slovar'. – M., 1985.

RTS – Russko-tureckij slovar'. – M., 1972.

SKBYA – Sovremennyyj karachaevo-balkarskij yazyk. – Nal'chik, 2016.

TRS – Tatarsko-russkij slovar'. – M., 1966.

TSKBYA – Tolkovyj slovar' karachaevo-balkarskogo yazyka v 3 t. – Nal'chik, 1999, 2002.